

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПРОСТОДУШНЫЙ СИБИРСКИЙ МУДРЕЦ ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

Мне кажется, поэт и прозаик, путешественник и мистик Юрий Ключников давно уже стал человеком-легендой. С одной стороны, о нем слышали многие, с другой стороны, кто он такой – увы, мало кто знает. Кто-то его считает чуть ли не диссидентом советских времен, кто-то духовным лидером в трудном освоении мистики Востока, кто-то причисляет его к яростным русским патриотам. И все в чем-то правы. Его биография похожа на карту гор Тибета, где Юрий Ключников побывал не один раз. Взлеты и падения, подъемы и спуски. И никакого пессимизма. Оптимизм – это уже его личная житейская философия. Потому и прожил уже 80 лет и не отчаялся.

*На чистый лист своих грядущих лет
Накладываю прошлого лекало,
Не за грехи себя казню я, нет, —
За каждый день, прожитый вполне.*

Юрий Михайлович Ключников – поэт, философ, публицист, путешественник, общественный деятель, творческая личность, на мой взгляд, явно недооцененная в отечественной литературе. Даже у себя на родине в Сибири. Хотя его творчество высоко ценили и Виктор Астафьев, и Вадим Кожинов, и Юрий Селезнев, и Станислав Золотцев, Валентин Сидоров и даже Евгений Евтушенко – люди, относящиеся к разным, нередко противоположным направлениям и литературным лагерям.

Родился Юрий Михайлович в 1930 году. Закончил филфак Томского университета, работал журналистом, редактором на радио, в студии кинохроники, издательстве. Один из первых в России обратил серьезное внимание на литературное наследие Николая Рериха. Хотя не стал ограничивать свои творческие интересы одной лишь этой темой и не пошел по пути превращения в проводника рериховских взглядов, сохранив самостоятельную позицию. Поэт и прозаик с глубокими мистическими корнями – в некотором смысле, я бы сравнил его личность и творчество с творчеством еще одного глубокого русского мистика, эмигранта-харбинца Альфреда Хейдока, о котором писал еще в советское время.

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким областным писателем. Да и сами названия его книг говорят за себя: “Мистический Пушкин”, “О назначении России”, “Благая весть Новой Эпохи” (всего

он автор десяти книг стихов и прозы, из которых я выделил бы поэтический сборник “Годовые кольца”, эзотерическую сказку “Поэт и Фея” и книгу очерков о своих путешествиях по Индии с подзаголовком “Странствия по Ариаварте”). Он уже 30 лет вместе с супругой руководит культурной организацией “Русский клуб” в Новосибирске. В советское время признанию его творчества мешала глубинная мистика его сочинений, “богоискательство”. В перестроечный период он со своим глубинно-объективным взглядом на мир и литературу тоже не вписался ни в один из идеологических лагерей – ни в левый, ни в правый. Этому особому, можно сказать – надличностному взгляду на жизнь не помешали все невзгоды, обрушившиеся на Ключникова в советское время.

Впрочем, об этом пишет автор в своих заметках “Безмолвие и лики”, завершающих его новую замечательную книгу “Лики русской культуры”. За одно предложение открыть на Алтае музей Николая Рериха, за попытку с группой энтузиастов самим построить этот музей его постарались исключить из партии, запретили заниматься идеологической работой, сняли с высокой должности в Западно-Сибирском книжном издательстве. Юрий Ключников не пал духом – он ушел в простые грузчики и проработал в этом качестве целых шесть лет.

“Результат нашей записки властям был весьма неадекватным. Стройку (музея Рериха. – **В. Б.**) не запретили, но за нас, строителей, крепко взялись партийные власти, особенно за членов КПСС. А таких, среди подписавших записку, было трое. Нас обвинили в идеализме, богоискательстве, отходе “от принципиальных положений марксистской философии”. Дело дошло до ЦК КПСС. Я же упирался, приходя на проработки с иконой во внутреннем кармане и словами молитвы в душе, которые твердил мысленно. Это помогало... В критическую минуту мое отчаянье вдруг сменилось хлынувшим откуда-то потоком радости. В сознании сама по себе возникла молитва “Господи, помилуй!”. И я вновь увидел голубые глаза Христа. Последний акт этой партийной драмы проходил в феврале 1982 года на бюро Советского райкома КПСС Новосибирска. Секретарь райкома доложил членам бюро суть дела и, глядя мне в глаза, сказал: “Мы возились с Вами почти три года, вы настаивали на том, что остаетесь на партийных позициях и лишь хотите дополнить их философией Рериха, называя ее не противоречащей марксизму-ленинизму. Классики марксизма этой философии оценки не дали, а вот Иисусу Христу дали и недвусмысленную. Скажите, Ключников, как вы относитесь к Иисусу Христу?”. На бюро повисла напряженная тишина. Я тоже почувствовал момент истины, отступить было некуда. И сказал: “Если бы современные руководители СССР хоть чуточку походили на Иисуса Христа, наша страна не оказалась бы в кризисной ситуации”. Секретарь стукнул ладонью по столу и закончил: “Ключников за три года ничего не понял. Предлагаю исключить из партии. Кто за?”. За были все. Не стану называть фамилий, ибо действующие лица этой истории живы-здоровы. Некоторые из них находятся на высоких должностях и даже помогают строить церкви...”.

Впору бы озлобиться – но Юрий Ключников открыт для прощения всех своих погромщиков, не допускает злобности в себе и в своей книге отчетливо видит не только минусы, но и огромные плюсы советской власти для России XX века. За что ему достается изрядно уже от либералов, пожелавших было пригреть опального в советские годы поэта.

Впрочем, он сам писал в своих стихах:

*Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на слове
я слова охранные твержу.
Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.
Не спеши направить злобный выстрел —
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, все решает быстро,
но всегда задумчиво добро.*

Вот сам писатель с неспешной задумчивой добротой и сотворил свои “Лики русской культуры”. В этой книге он старается совсем по-шукшински не пропустить ничего прекрасного в русской литературе и культуре XX века. Он откровенно смотрит на всех своих героев радостными глазами. Из его очерков о великих русских писателях, композиторах, полководцах вырастает общий лик и жестокого, трагического, и великого, героического и идеально романтического столетия. Как ни стараются это столетие и его героев нынче перечеркнуть, удалить из истории русской литературы наши либеральные ненавистники, это у них не получается.

Знаковых, гениальных фигур в XX веке оказывается ничуть не меньше, чем в предыдущем пушкинско-достоевском девятнадцатом веке. Увы, но и сегодня сказать об этом громко, на всю страну не дозволяется. Наша интеллигенция боится признавать величие своих же отечественных русских гениев. И потому такие книги, как “Лики русской культуры” Юрия Ключникова, являются не просто закономерным итогом писательских раздумий, но и своеобразным подвигом русского патриота. Его книга – это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, это переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым, третьим тысячелетием. Юрий Ключников, говоря его же словами, описывает в своей книге отнюдь не символическую, а реальную когорту русских атлантов, которые держали и продолжают держать на своих плечах русское небо над землей, периодически проходящей жестокую, но необходимую чистку. Мне самому Юрий Ключников немного напоминает шукшинского “чудика”, умудрявшегося всю жизнь говорить свою правду и жить согласно своим законам. И в своих эссе и очерках, о ком бы он ни писал – об Александре Блоке, о Борисе Пастернаке, о Сергее Есенине, о Шолохове или Солженицыне, отталкиваясь от общепризнанного, он каждый раз находит и предлагает читателю свое личное понимание того или иного русского гения, преодолевая устоявшиеся литературоведческие табу.

Каждая глава предваряется стихами автора, посвященными своему герою. А заканчивается книга о русской культуре уже собственными размышлениями о прожитом и увиденном. Все, чем в своей многотрудной и многосложной жизни занимался Юрий Ключников, подходит под его же определение “умного делания”. И потому его размышления о русских поэтах и писателях XX века, о композиторах и мыслителях, о вождях России ничуть не похожи на простые литературоведческие или критические исследования, ибо за ними, как за видимой частью айсберга, кроется вся предыдущая жизнь неустанного умного делателя, его десятки экспедиций по Алтаю, путешествия в Индию и Непал, встречи с восточными мудрецами.

Но ошибется тот, кто с разбегу отнесет Юрия Ключникова к модным ныне оккультистам, к экзальтированным поклонникам индийских или тибетских учений. Свет русского Православия виден ему и на вершинах Гималаев, куда, кстати, он совершил целых шесть экспедиций... Юрий Ключников и в Индии ищет Россию (одна из его книг так и называется!), и в книгах восточных мудрецов видит связь с Иисусовой молитвой, с православным учением. Я согласен с ним, и тоже считаю: надо ли нам в своем постижении России закрываться от всего остального мира, не лучше ли и остальной мир приблизить к России? Тем более Восток нам всегда был близок. Мудрецы и поэты Востока Руми, Шанкарачарья, Миларепа, Лао Цзы, Конфуций только обогатили его, ключниковское, понимание духовных глубин Православия и желание вернуться на духовную родину, к русским истокам. Как Пушкину свободное владение французским языком только помогло стать непревзойденным мастером русского стиха. Соединяя в себе любовь к традициям и стремление к новизне, к новому опыту, писатель у всех своих героев видит подобное взаимопроникновение вечных истин и пророческих откровений, духовного и телесного, прошлого и будущего. И уже нет ни консерваторов, ни революционеров, есть дарованный Небом путь познания мира в себе и себя в мире. И в этом постижении жизни, в понимании России и русского опыта в чем-то равны Михаил Булгаков и Андрей Платонов, Михаил Шолохов и Александр Солженицын, Александр Блок и Николай Островский... Ибо все его герои – люди озарения. Это люди тонкой творческой энергии. При этом Юрий Ключников явно не любит пессимистов, ему гораздо ближе и интереснее духовно-героическое творческое начало. В его книгу, в целом посвященную деятелям русской культуры XX века, попали и два родоначальника русской культуры – Михаил Ломоносов

и Александр Пушкин, наш первый космист Константин Циолковский и герой великой русской победы маршал Георгий Жуков.

И все же главными героями, вокруг которых выстраивается вся мистическая, духовная концепция русской культуры XX века, стали Александр Блок, композитор Сергей Рахманинов, Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Николай Островский, Даниил Андреев, Михаил Шолохов, Александр Солженицын и Василий Шукшин... Кому-то будет не хватать Осипа Мандельштама или Николая Клюева, Андрея Платонова или Виктора Астафьева. Кто-то удивится включению в этот мистический ряд тонких мастеров Николая Островского. Кто-то посчитает лишним включение Даниила Андреева. Но это же не законченный список всех русских гениев XX века, это герои, близкие и необходимые самому автору для понимания русскости, русского характера и русской культуры. Юрий Ключников видит не внешние проявления набожности, а внутреннюю суть своего героя, и потому Николай Островский с его подвижничеством – для него более русский, православный тип личности, нежели какой-нибудь лицемерный чинуша, нынче суетливо крестящийся в храме. Он видит героев в тех, кто ставит заслон развалу страны, развалу культуры. Для него: “Жив Христос в священнике, который снял ясу и возглавил развалившийся колхоз. В предпринимателе, который дал клятву никогда не торговать водкой и сигаретами. В писателе, режиссере, артисте, которые не допускают в свою работу низость ни под каким видом. В ученом, которого зовут в Америку, но он продолжает трудиться в России. В самом обыкновенном человеке, не сдавшемся темным искушениям века...”. Его Россия – это не Россия чиновников и держиморд, а Россия народная, Россия богоносная. Россия творческая. За что он и подвергался самым натуральным репрессиям в брежневские годы – в 1979 году был обвинен в богоискательстве и после долгого административного разбирательства был уволен по идеологической статье из новосибирского издательства “Наука”, где работал редактором. Весь его немалый опыт учителя, директора средней школы, радиокорреспондента, главного редактора Новосибирского областного радио и Западно-Сибирской кинохроники был властями презрительно перечеркнут. Ни о какой работе на идеологическом фронте не могло быть и речи. Впрочем, надо отдать должное, это Юрия Ключникова не сломило, работа в течение нескольких лет грузчиком была для него не менее почетна, чем любая преподавательская или журналистская работа, да и стихи писать талантливому поэту тяжелый физический труд никак не мешал. Скорее, наоборот:

*Время выкинуло коленце —
И причалил я в поздний час
С полуострова “интеллигенция”
К континенту “рабочий класс”.*

Я в свое время в предисловии к сборнику “Годовые кольца” писал о поэтическом творчестве Юрия Михайловича: “Поэзия Юрия Ключникова – всегда моление о России. И чем трагичнее, драматичнее шла его жизнь, чем сильнее были гонения и репрессии со стороны властей, тем сокровеннее и преданнее звучали его стихи о родине, раздираемой противоречиями и раскалываемой междоусобицами. В России всегда было трудно поэтам воспевать Россию, еще труднее – молиться за нее.

*Россия, полумертвый витязь,
Не раз поправший смертью смерть,
Тебе завещано увидеть
Иные небеса и твердь.*

Его тревожные и порой трагичные стихи, его пейзажные лирические зарисовки и притчи, подчеркивающие давнюю связь поэта с Востоком, его любовные и сентиментальные сонеты, его романтические баллады, поэмы – чему бы и кому бы ни были посвящены, всегда обращены к России...”

Вот и среди своих героев в новой книге он ищет не диссидентов или обласканных властями творцов, а прежде всего тех, кто всем своим творчеством, всей жизнью, подвигами своими обращен к России и к русскому наро-

ду. А любимец ли это властей Михаил Шолохов или гонимый Александр Солженицын – вторично, не существенно.

Юрий Михайлович Ключников, несмотря на свой возраст, и сейчас силен и духовно, и физически, поэтому меня радует, что он и на историю XX века, трагического и напряженного для России, смотрит как на страну сильных людей, сильного духа, сильной судьбы. Его книга “Лики русской культуры” – не о слабой, умирающей, вечно страдающей, а о сильной, несмотря на все беды и трагедии, великой стране и ее великой культуре. Дочь Юрия Михайловича Марина Ключникова, журналист и писатель, пишет в статье о своем отце: “...В свои немалые годы он пишет зачастую по десять, а то и более, стихотворений в сутки – и так продолжается уже не одно десятилетие. И лирический поток только нарастает! Как такое возможно? Бог весть. Ну, кое-что объясняет тот факт, например, что в эти свои годы он отжимается 150 раз подряд – ежедневно, уже много лет подряд. Зимой часами гоняет на лыжах. Летом – ездит в горный Алтай, чтобы снова подняться на какую-нибудь из своих любимых вершин. Строен, подтянут и, по мнению друзей, похож на Дон Кихота – своего любимого героя. Да, пожалуй, похож. С одной поправкой: этот рыцарь – не Печального образа, а Радостного. Мой отец – человек по-настоящему веселый. Главная тема его творчества – радость. Он часто повторяет любимую формулу – радость есть особая мудрость...”

В авторском вступлении к книге “Белый остров” (2000 г.) Юрий Ключников четко сформулировал свое творческое кредо: “Слишком долго Тонкий и Божественный миры трактовались как нечто, не имеющее отношение к повседневной жизни или же как предмет заботы церкви. Мало кто отваживался выходить к Богу напрямую, минуя посредников”. Поэтому он старается и в героях своих тоже найти сплав Божественного и земного. Собственно, это не просто герои, а духовные, литературные наставники поэта и писателя, благодаря которым он никогда не терял силы духа. Не сравнивая по масштабу или по силе таланта автора книги с его героями, я откровенно вижу и общие, роднящие его с ними, черты. Разве он не бывал так же одинок, как и Михайло Ломоносов, посреди толпы разъяренных врагов? Но – не уступал Ломоносов, не уступал и Юрий Ключников. Разве он не вглядывался жадно в космос, подобно Константину Циолковскому? Конечно, как поэт, он видел нечто иное, чем мечтатель-технарь Циолковский, но оба живут с мечтой о русском Космосе всю свою жизнь. Так же, как и Василий Шукшин, он, будучи прирожденным интеллигентом, знатоком французского языка и русской философии начала XX века, не чурался своего народа, мог жить и работать в самой его гуще, делить с ним общую судьбу. Подобно Александру Блоку, он не боится никаких изменений в России, жадно прислушивается к новому, стараясь найти в грядущей жизни своего народа спасительные тенденции. И он мог бы сказать, как Блок:

*Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита...*

Для него, как и для Бориса Пастернака, две святыни были всегда неприкосновенны: Иисус Христос и Россия. Я понимаю его восторг перед иконописными руками Сергея Рахманинова: эти руки творили Божественную музыку, простую и мистическую русскую музыку. Он находил в себе силы, подобно Александру Солженицыну, отряхиваться от всех нападков на себя и на свое творчество, при этом не озлобляясь на мир, не кидаясь в объятия врагам России. Как и Николай Островский, он никогда не боялся никакого самого черного труда и любых испытаний и никогда не отступался от своих принципов. В Юрии Ключникове, несомненно, присутствуют черты русского подвижника, русского пассионария. Простодушный сибирский мудрец.

По сути, “Лики русской культуры” – это книга о мистическом дыхании современной России, о выработке новых духовных идеалов в народе, прошедшем сквозь горнило страданий. И как бы ни растлевал дьявол дух и плоть современной России, ее загадочная непостижимая улыбка героя, мудреца и ребенка – и есть наше истинное противоядие от этого дьявольского морока и тлена. Он – не вечен, как ночная тень. Россия же – вечна.